

УДК 316.74:81

Лингвистический капитал: результаты социологического опроса и их анализ

Т. В. Амосова, аспирант *

В статье представлен анализ результатов социологического опроса, который был проведен среди студентов «языковых» специальностей Лингвистического университета и БГУ – группы, наиболее активной в приобретении и использовании лингвистического капитала.

Linguistic Capital: Findings of the Sociological Poll and Their Analysis

T. Amosava, Postgraduate Student

In the article the analysis of the results of the sociological poll conducted amongst the students of «linguistic» specialties of the Linguistic University and Belarusian State University is presented. This group is the most active in obtaining and using linguistic capital.

Социология языка – это теория среднего уровня, существующая в западной социологии более сорока лет. Экономическая ценность языка, язык как профессия, мотивация к изучению языков, языковое поведение, языковая политика, практика и идеология – все это составляет проблемные поля данной дисциплины. Ключевые фигуры, внесшие свой вклад в возникновение социологии языка – Джошуа Фишман [1], Чарльз Фергюсон [2, с. 375–381], Вильям Лабов [3, с. 273–309] и другие.

Большую роль в обосновании символической роли языка в процессе социальной стратификации сыграли работы Пьера Бурдьё. Социологи языка проинтерпретировали его категории символического капитала и культурного капитала таким образом, что стало возможным говорить о *лингвистическом капитале* – составляющей культурного капитала, которая зачастую приобретает символическую функцию [4]. Язык является маркером социальных групп, о чем писал Бурдьё. Язык можно назвать исключительно важным средством социальной мобильности: часто владение каким-то языком, или определенным вариантом языка, выступает как условие получения престижной работы, позволяет улучшить экономический статус посредством эмиграции в экономически более благополучную страну, является условием участия в политических выборах как в качестве баллотирующегося на определенный пост, так и в качестве избирателя, поскольку знание определенного языка может служить критерием для попадания как в первую, так и во вторую группу.

Кроме того, для многих знание языка представляет собой профессию, т. е. является ресурсом, конвертируемым в реальный капитал. Автором настоящей статьи был проведен социологический опрос среди тех респондентов, для кого язык представляет собой будущую профессию. Причем были опрошены представители нескольких «языковых» профессий: филологи, переводчики и культурологи, специализирующиеся на определенной стране, знание которой предполагает и знание языка этой страны.

У различных групп респондентов, по предположению автора настоящей работы, отношение к основному инструменту своей будущей профессиональной деятельности – языку – могло быть разным. Более того, в зависимости от особенностей именно своей специальности, различные группы респондентов могли иметь свое особое мнение по такому вопросу, как роль и функции языка в обществе, его экономическая и символическая ценность. Автор исследования предположила, что респонденты в своих учебных заведениях выбирали второй иностранный язык самостоятельно, и поэтому можно спрашивать о мотивах их выбора. На самом деле не у всех опрошенных имелась возможность выбора, что они и указали при ответах на третий вопрос анкеты.

В ходе исследования были опрошены студенты Лингвистического университета (200 чел.), студенты филологического факультета БГУ (100 чел.) и студенты факультета международных отношений БГУ отделений «Современные иностранные языки»

* Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент З. М. Пинхасик.

Таблица 1

№	Вопрос	Лингвистический ун-т, %	Филфак БГУ, %	ФМО БГУ, %	Вся выборка, %
1.	Содействует ли, на Ваш взгляд, изучение иностранных языков взаимопониманию между нациями? а) да б) нет	97,5 2,5	99,0 1,0	97,5 2,5	97,8 2,2
2.	По мере того, как Вы изучаете второй иностранный язык, изменяется ли Ваше отношение к носителю этого языка? а) улучшается б) ухудшается в) не изменяется	68,5 2,0 29,5	66,0 2,0 32,0	67,0 3,0 30,0	67,4 2,4 30,2
3.	Какова основная причина, по которой Вы выбрали второй иностранный язык? а) возможность найти работу в РБ б) возможность найти работу за границей в) возможность эмигрировать г) интерес к данному языку и культуре д) другая	40,5 9,0 3,5 36,0 11,0	38,0 12,0 3,0 33,0 14,0	32,0 19,5 8,0 18,0 22,5	36,6 13,8 5,2 28,2 16,2
4.	Может ли, на Ваш взгляд, человек в стране изучаемого Вами второго языка, стать публичной фигурой, если он говорит на нестандартизированном языке? а) да б) нет	48,0 52,0	44,0 56,0	56,0 44,0	50,4 49,6
5.	Если нет, с чем это, по Вашему мнению, связано? (выбрать один ответ) а) с отсутствием толерантности б) со вниманием к речевой культуре в) акцент/диалект выдает нежелательные социальные характеристики	3,8 19,2 77,0	10,7 23,2 66,1	9,1 11,4 79,5	7,3 17,3 75,4
6.	Влияет ли на Ваше отношение к собеседнику-соотечественнику тот факт, что он говорит на нестандартизированном языке а) да б) нет	66,5 33,5	62,0 38,0	53,0 47,0	59,8 40,2
7.	Если влияет, то как? а) отношение ухудшается б) удается определить социальные характеристики собеседника*	7,5 92,5	12,9 87,1	7,7 92,3	8,7 91,3
8.	Для выбравших 7 б): Какие характеристики Вам удастся определить? (допускается несколько ответов) а) он не горожанин б) горожанин в 1-ом поколении в) уровень образования г) социальный статус д) экономический статус	26,8 6,5 81,3 46,3 8,9	22,2 5,6 87,0 24,1 5,6	15,6 7,3 78,1 24,0 3,1	22,6 6,6 81,3 34,1 6,2
9.	Как Вы считаете, может ли в нашей стране человек подвергнуться стигматизации из-за невладения стандартизированным языком? а) да б) нет	41,0 59,0	52,0 48,0	40,0 60,0	42,8 57,2
10.	Если нет, то почему? (для выбравших ответ 9 б) а) из-за толерантности нашей нации б) из-за невнимания к речевой культуре	52,5 47,5	41,7 58,3	30,0 70,0	41,3 58,7
11.	Ваш пол? М / Ж	13,0 / 87,0	9,0 / 91,0	14,5 / 85,5	12,8 / 87,2
12.	Ваш возраст? а) 17–20 лет б) 21–24 года в) 25 лет и старше	27,5 68,0 4,5	72,0 28,0 0,0	90,0 9,5 0,5	61,4 36,6 2,0

* В оригинальной анкете было уточнение, позволяющее интерпретировать первый тип реакции а) как эмоциональный, а второй – б) – как рационально-аналитический.

и «Культурология» (200 чел.). Таким образом, выборочная совокупность составила 500 человек. Генеральной совокупностью в данном случае выступает совокупность молодых людей, проживающих в Беларуси, для которых язык является профессией и которые более всего склонны к приобретению и использованию лингвистического капитала. В сводной таблице, представленной ниже, даны линейные распределения ответов на вопросы анкеты «Лингвистический капитал».

При ответе на первый вопрос все группы опрошенных проявили заметное единодушие, признав, что изучение иностранных языков содействует взаимопониманию между нациями, и, следовательно, выступает в роли культурного капитала на социальном уровне. Распределение ответов на второй вопрос тоже демонстрирует единодушие среди всех групп. Этот вопрос крайне важен с той точки зрения, что у социологов языка существует убежденность, что именно отношение к целевой группе, т. е. к народу-носителю языка, влияет и на отношение к самому языку.

В связи с этим можно упомянуть работы Хези Броша и Элизера Бен-Рафаеля [5, с. 1–24], которые изучали отношение к арабскому языку в Израиле, и то, как отношение к арабам со стороны израильтян влияет на статус этого языка как учебного предмета в школах и университетах Израиля; коллективную работу под руководством Роберты Кремер [6, с. 88–99], которая подчеркивает значимость целевой группы для того, кто будет изучать второй язык, иными словами, целевая группа мотивирует к изучению языка; и работу Аль-Абеда Аль-Хака [7, с. 45–58], изучавшего отношение к ивриту как к учебной дисциплине среди иорданских студентов. Он тоже пришел к заключению, что отношение к языку формируется через призму отношения к народу-носителю этого языка.

Данное исследование демонстрирует, что само изучение языка может повлиять на позитивное отношение к народу-носителю. Как видим из таблицы, во всех высших учебных заведениях, попавших в исследование, отношение к народу-носителю изучаемого языка улучшается почти у 70 % респондентов.

Третий вопрос был, с точки зрения автора, ключевым в определении роли языка как ресурса, который может быть конвертирован в реальный капитал. Благодаря третьему вопросу он рассчитывал определить основные *мотивы* приобретения лингвистического капитала. Оказалось, что в первую очередь (для 36,6 %) изучение второго иностранного языка – это потенциальная возможность получить престижную и высокооплачиваемую работу в Беларуси. Вторым по значимости мотивом респон-

денты (28,2 %) назвали интерес к данному языку и культуре народа – носителя этого языка. Третьим – «другую» причину, куда вошел целый спектр мотивов: от склонности к изучению иностранных языков и желания стать полиглотом, интереса не просто к культуре, а именно к данному языку (возможно, сказываются научно-исследовательские интересы) до вынужденного изучения этого языка, поскольку только он был предусмотрен учебной программой в качестве «второго» для языковых специальностей. Более 16 % респондентов указали на эту «другую» причину выбора.

Мало кто из респондентов хотел бы применить свои знания за границей. То ли сказывается патристическая настроенность молодежи, то ли наследие прошлого, когда миграция трудовой силы за рубеж была крайне ограниченной, но лишь чуть менее 14 % опрошенных стремятся к работе за границей. Ради того чтобы эмигрировать, второй язык изучает чуть более 5 %.

Для того чтобы сформулировать четвертый вопрос, автор исследования обратилась к текстам Пьера Бурдьё, который много писал о роли языка в качестве водораздела между социальными группами, описывая «народный» язык как то, что присуще «подчиненным слоям общества», «второсортным» членам социума. В своем эссе «Назначение “народа”» он прямо указал на то, что отношение во Франции к человеку, не говорящему с «парижским» акцентом, будет далеко от благожелательного со стороны тех, кто принадлежит к социальной элите. Возможность стать публичной фигурой для таких людей будет крайне затруднена [8, с. 222–230]. Во многих странах Запада умение говорить на правильном, стандартизированном языке является обязательным условием для продвижения по карьерной лестнице.

Мне пришлось проинтерпретировать для респондентов понятие «нестандартизированный язык», но опрос показал, что исследователь и респонденты воспринимают понятие «акцент» по-разному. Для русскоязычного человека слово «акцент» неизбежно ассоциируется с иностранным акцентом. Для англоязычного человека, напротив, акцент скорее связывается со своеобразием произношения, присущим носителю языка. Таким образом, с точки зрения англоговорящего человека, можно говорить о «шотландском» акценте, например, но никто не станет подозревать шотландца, говорящего по-английски с шотландским акцентом, в том, что он – иностранец. Скорее, признают, что он говорит на варианте языка, не свойственном столичному региону. Иногда, в таком случае, как абердинский говор, который сами шотландцы понимают с трудом, имеет смысл указать, что это *нестандартизи-*

ванный язык. В любом случае, имеется в виду «неправильный» язык, на котором говорит носитель этого языка. Автор анкеты, задавая вопрос, безусловно, опиралась именно на такое понимание нестандартизированного, или «неправильного» языка. В Беларуси к нестандартизированному языку можно отнести *трасянку*, а на Украине – *суржик*.

Итак, респонденты разделились практически поровну, отвечая на вопрос о возможности для человека, не владеющего стандартизированным языком, стать публичной фигурой в той стране, язык которой они изучают. Студентов ФМО, считающих, что это возможно в стране изучаемого ими второго языка, оказалось больше, чем тех, кто считает это невозможным. Студенты лингвистического университета и филфака полагают, что это, скорее, невозможно. В целом же по выборке число тех, кто считает это возможным, чуть превышает число тех, кто считает, что говорящий на «неправильном» языке человек в стране изучаемого ими второго языка публичной фигурой стать не может. Один студент лингвистического университета даже привел в пример такую успешную личность, как Арнольд Шварценеггер, который, говоря по-английски с акцентом, смог стать и всеми любимым актером, и политиком.

Следующий вопрос был обращен к тем, кто ответил, что для человека с «неправильным» языком карьерный рост будет затруднен. Автор исследования попыталась выяснить у респондентов, что они считают основным препятствием для человека, не владеющего стандартизированным языком. Большинство респондентов согласилось с тем, что акцент, или диалект, выдает нежелательные социальные характеристики говорящего, что еще раз подтверждает одно из основных положений социологии языка: язык является маркером социальных групп и значимым индикатором социальной стратификации.

Итак, язык является исключительно важным показателем того, к какой социальной группе относится человек в западном обществе. Но это не означает, что в нашей стране отношение к языку является таким же, как в странах Запада. Поэтому следующим был вопрос о том, влияет ли на отношение респондентов к собеседнику тот факт, что он говорит на нестандартизированном языке. Для 66,5 % респондентов существенным является то, говорит ли их собеседник на «правильном» языке. 33,5 % ответили, что неправильность речи собеседника не влияет на их отношение к нему.

Для тех, для кого правильность речи собеседника имеет значение, был предназначен вопрос 7. Автор исследования предположила, что неправильность речи может вызвать как эмоциональную, так и рационально-аналитическую реакцию. Среди тех,

кто ответил, что «правильность» речи собеседника имеет для них значение, 8,7 % указали, что их отношение к собеседнику ухудшается. Большинству респондентов (91,3 %) по своеобразию речи собеседника удастся определить его некоторые социальные характеристики.

Восьмой вопрос предполагал выяснение того, какие именно характеристики удастся определить респондентам. Абсолютное большинство (81,3 %) указывает на недостаточный уровень образования собеседника. Следующая характеристика, которую определяют респонденты по своеобразию речи собеседника, – это его социальный статус. Так делают чуть более 34 % опрошенных. 22,6 % студентов конкретизировали, что по своеобразию речи собеседника им удастся определить, что он – не горожанин, а 6,2 % узнают его экономический статус.

Автору статьи представляется, что ситуация в нашем обществе несколько отлична от ситуации в других странах, поскольку респонденты связывают неправильность речи не с социальным происхождением, а с недостатком образования. В других же странах, например в Израиле, акцент указывает на то, к какой общине принадлежит говорящий. Израильская еврейская община делится на мизрахов и ашкеназов. Мизрахи – это представители восточных общин. Восточные общины являются наименее благополучным сектором израильского общества (не считая израильских арабов), поэтому тот акцент, с которым они говорят на иврите, выдает их как представителей непривилегированных слоев.

В связи с тем, что для наших респондентов оказалось безразличным, насколько правильно говорит их собеседник, вполне обоснованным представляется узнать, может ли человек, говорящий неправильно, подвергнуться в нашем обществе стигматизации, т.е. получать порицания от окружающих и считаться человеком «второго сорта». Большая часть наших респондентов дала на этот вопрос отрицательный ответ. Такой результат был предсказуем, поэтому в анкету был включен вопрос, проясняющий причины того, почему в нашей стране стигматизация из-за неправильности речи невозможна. Большинство респондентов предполагает, что невозможность стигматизации связана с недостаточным вниманием к речевой культуре. Нарушают общую тенденцию только ответы студентов лингвистического университета, большинство которых считает, что это происходит из-за толерантности нашей нации.

В итоге автору исследования представляется, что в белорусском обществе придается меньшее, чем за рубежом, значение языку как маркеру социальной группы и социальных характеристик человека, а пользователи лингвистического капитала недо-

оценивают его экономическую значимость и роль в деле социального и карьерного продвижения. Тем не менее, респонденты достаточно чувствительны к такому аспекту, как правильность речи собеседника. На этом, по-видимому, сказывается и их профессиональная подготовка, и общий высокий уровень образования. Неправильность речи – это, по их мнению, в первую очередь, показатель низкого уровня образования собеседника, а не индикатор его происхождения и социального статуса.

Использованная литература

1. См.: Fishman, J. Introduction / J. Fishman // *International Journal of the Sociology of Language*. – 1974. – № 1.
2. См.: Ferguson, C. A. Myths about Arabic / C. A. Ferguson // *Readings in the Sociology of Language* / Ed. by J. A. Fishman. – The Hague – Paris, 1968.
3. См.: Labov, W. The Social Motivation of a Sound Change / W. Labov // *Word*. – 1963. – Vol. 19.
4. См.: Ben-Rafael, E. Language, Identity and Social Division: Case of Israel / E. Ben-Rafael. – New York: Oxford University Press Inc., 1994. – 462 p.
5. См.: Ben-Rafael, E. A Sociological Study of Second Language Diffusion: the Obstacles to Arabic Teaching in the Israeli School / E. Ben-Rafael, H. Brosh // *Language Problems and Language Planning*. – 1991. – Vol. 15, № 1.
6. См.: Kraemer, R. Ethnolinguistic Vitality, Attitudes, and Networks of Linguistic Contact: the Case of the Israeli Arab Minority / R. Kraemer, E. Olshtain, and S. Badier // *International Journal of the Sociology of Language*. – 1994. – № 108.
7. См.: Al-Abed Al-Haq, F. A Sociolinguistic Study of Hebrew in Jordan / F. Al-Abed Al-Haq // *International Journal of the Sociology of Language (Int'l. J. Soc. Lang.)*. – 1999. – № 140.
8. См.: Бурдьё, П. Назначение «народа» / П. Бурдьё // *Начала. Choses dites*: пер. с фр. / Pierre Bourdieu. *Choses dites*. P., Minuit, 1987; пер. Н. А. Шматко. – М., 1994.